

Никто не пришёл поздравить Вэнь Жуна с успехом, он даже не попал на «Пир Лу Мин» — традиционный банкет для новых цзюйжэней. Так его звание цзюйжэня и появилось на свет — тихо, незаметно, без шума и славы.

Даже став цзюйжэнем, он не устроил никакого празднования.

— Как такое вообще возможно? — возмущались однокурсники. — «Десять лет упорного учения — и никто не замечает; вдруг однажды прославишься — и весь мир узнает!» А ты прославился, но никто и не знает! Жу Юй-гун, ты просто...

Все искренне возмущались за него и сочувствовали.

— Поэтому-то я и хочу, чтобы вы помогли мне устроить небольшой праздник! — улыбнулся Вэнь Жунь. — Согласны?

— Не осмеливались просить — но это и есть наше желание! — хором ответили все десять человек.

Эти восемь иероглифов — «□□□□□□□□» — они произнесли в унисон, что ясно показало их давнюю ученическую спаянность. Все дружно расхохотались.

Фраза эта взята из «Мэн-цзы», глава «Гунсунь Чоу, часть вторая», и относится ещё ко временам Чжаньго (Воюющих царств).

Там рассказывается, как Мэн-цзы, подав в отставку с поста чиновника в царстве Ци, собрался возвращаться домой. Царь Ци лично пришёл к нему и сказал:

«Раньше я мечтал повидаться с вами, но не мог. Потом нам наконец удалось служить вместе — и я был счастлив. А теперь вы покидаете меня и уезжаете... Неужели мы больше никогда не увидимся?»

Мэн-цзы ответил:

«Не осмеливался просить — но это и есть моё желание».

Видно было, что перед ним собрались настоящие учёные мужи, да ещё и весьма способные!

Все говорили изящно, в духе классических текстов.

Вэнь Жунь немедленно договорился с ними: завтра в полдень — в таверне «Хуншэн».

А «Хуншэн» — это как раз та самая таверна, где работал управляющим старший брат Чжан.

Был уже поздний день, и, условившись на завтрашний обед, один из однокурсников вдруг добавил:

— Завтра вернутся горный старейшина (шаньчан) и учителя. Может, пригласим и их?

— Отличная мысль! — обрадовался Вэнь Жунь. — Тогда прошу вас, дорогие однокурсники, передать им приглашение.

Он был особенно рад: ведь эти трое — единственные в уезде цзюйжэни!

Их присутствие значительно укрепит его положение.

Оставив часть сладостей и мясных закусок однокурсникам и договорившись о времени, Вэнь Жунь простился. Те проводили его до самых ворот академии, и лишь когда его повозка скрылась из виду, вернулись внутрь.

В повозке разговаривать было не о чем. Они вернулись в таверну «Хуншэн». Увидев их, старший брат Чжан тут же распорядился готовить ужин.

— Будете есть здесь или взять с собой? — спросил он. Таверна и гостиница находились совсем рядом.

— Здесь поедим, а остатки заберём на ночь, — ответил Вэнь Жунь. — И ещё одно дело: я хочу заказать у вас два полноценных банкетных стола. Приглашаю своего горного старейшину, учителей и однокурсников.

— Конечно! — обрадовался старший брат Чжан. — Сколько персон? Какие блюда предпочитаете?

Он-то знал, что у Вэнь Жуна денег — не считает.

— Человек двадцать, накройте два стола, и ещё один держите наготове — вдруг кто-то неожиданно присоединится, тогда откроем отдельный.

Вэнь Жуню казалось, что трёх столов будет достаточно.

— Какие блюда выбрать? — спросил управляющий и велел подать меню. — Сочетание мясного и овощного? Как насчёт тушёной свинины? Кто-нибудь чего-то не ест? У меня сегодня привезли свежих кроликов — живых! Завтра пустим в дело?

— Обязательно должно быть блюдо «Дунпо жоу»! — Вэнь Жунь вместо обычной тушёной свинины заказал именно «мясо Дунпо».

— Почему? — удивился старший брат Чжан. — Обычная тушёная свинина вкуснее же!

— Нет, «мясо Дунпо» здесь уместнее, — возразил Вэнь Жунь. — Ведь это знаменитое блюдо, оставленное нам великим поэтом эпохи Сун — Су Дунпо!

— Ещё закажу утку по-кантонски, цыплёнка «байчжаньцзи», карпа в кисло-сладком соусе, — продолжил он. — Из овощей — «Динху шан су» и грибы с бок-чой. А в качестве гарнира — «рис золота и серебра».

Под «рисом золота и серебра» подразумевался просто смешанный рис: белый рис с жёлтой просо (сяоми).

Точно так же, как «суп с клецками» иногда называют «жемчужным супом» — просто звучит изящнее и менее по-простонародному.

— Хорошо, — кивнул управляющий, — но цыплёнок «байчжаньцзи» не очень подходит. Может, заменим на тушёную свиную ножку? Или на прозрачную заливную ножку?

Дело в том, что цыплёнок слишком маленький — на банкетном столе смотрится непрезентабельно. А среди заказанных блюд и так мало «представительных» — хочется, чтобы всё выглядело богаче и солиднее.

— Тогда пусть будет тушёная свиная ножка. А заливную не надо — у нас уже есть «мясо Дунпо», — решил Вэнь Жунь. — И, пожалуйста, подберите ещё две хорошие бутылки вина.

— У меня как раз есть две бутылки отличного «Ньюэр хун» — шестнадцатилетней выдержки! — оживился старший брат Чжан, хотя в глазах мелькнула тень сожаления. — Это моё сокровище, берёг для особого случая! Дороговато, конечно, но зато кому продать — всегда думал.

— Отлично, беру шестнадцатилетнее «Ньюэр хун»! — улыбнулся Вэнь Жунь. — Деньги — не проблема.

Управляющий обрадовался ещё больше: наконец-то нашёлся достойный покупатель для его сокровища!

На самом деле, Вэнь Жунь и сам был неравнодушен к хорошему вину. «Ньюэр хун» («девичье красное») — это южный традиционный напиток, разновидность жёлтого ферментированного вина, приготовленного из клейкого риса. Оно богато аминокислотами и особенно популярно в Цзяннане зимой — помогает согреться во влажном и холодном климате.

«Воду из озера Цзяньху берут у дверей,

А вино Шаосин пахнет за тысячи ли!»

Этот напиток, впервые созданный ещё в эпоху Цзинь, хранит в себе тысячелетнюю историю.

Шестнадцатилетняя выдержка — это уже настоящий старый выдержанный напиток, за который и высокую цену не жалко платить!

Ужин втроем прошёл спокойно: тушёный карп, свинина с солёной капустой, белый рис и вдобавок — горшок наваристого костного бульона.

Но за столом Лю Саньэр всё же не выдержал и спросил:

— Господин, вы... не довольны жизнью в Ляньхуаао? Или, может, семья Ваней вас не устраивает?

— Нет, я очень доволен и Ляньхуаао, и семьёй Ван, — сразу понял Вэнь Жунь его тревогу по выражению глаз и мягко улыбнулся. — Просто сегодня я нарочно рассказал всё так драматично, чтобы вызвать сочувствие. Пусть все знают: я — жертва, пострадавшая сторона. Тогда в будущем, если возникнут конфликты, они будут на моей стороне. Ведь моя учёная карьера, по сути, закончена. Вэньцзячжуань, конечно, не упустит такой шанс. Ясно, чего они хотят: сейчас все льготы перешли бы туда. Как они могут это допустить? Я не вернусь, но они не отступят — будут продолжать давить. Но разве я, цзюйжэнь, стану их бояться? Правда, они всё же мои родственники и старшие по роду. Хотя я и «выйду замуж», корни мои там. Если совсем прижмут — весной перенесу могилы родителей сюда. Тогда разрыв с Вэньцзячжуанем будет почти полным!

— Так серьёзно? — Лю Саньэр не ожидал такого развёрнутого ответа и смутился. — Мне не следовало спрашивать...

— Ничего, ты просто подумал, что мне не нравится Ляньхуаао. На самом деле, мне там очень нравится, — спокойно сказал Вэнь Жунь. — Я просто хочу, чтобы люди знали: мне пришлось пережить ужасные страдания, жители Вэньцзячжуаня — подлые предатели, а дети Ваней — добрые и заботливые. Моя учёная карьера закончилась на цзюйжэне, но два младших брата Ваня вполне могут и дальше сдавать экзамены.

На самом деле, амбиции Вэнь Жуна были велики: раз он сам не может и не хочет продолжать сдавать экзамены, он будет готовить к этому братьев.

Ведь даже если кто-то станет цзиньши (выпускником столичных экзаменов), разве это гарантирует успех? Без связей и покровителей такой чиновник будет годами томиться в

очереди на должность — как те, кто «получил звание, но так и не стал чиновником».

Он не мечтал о богатстве и славе для рода Ваней. Братья Ваня — не те, кто гонится за высокими чинами. Ему достаточно, чтобы они спокойно жили в своём уезде.

Одного звания сюцая и одного цзюйжэня вполне хватит, чтобы обеспечить семье стабильность на всю жизнь.

Если же у них появится стремление — пусть пробуют сдавать провинциальные или даже столичные экзамены. Но без влиятельных покровителей даже цзиньши часто годами ждут назначения.

А вот если в одной семье окажется трое цзюйжэней — это уже совсем другое дело!

Пусть и не чиновничья династия, но уж точно «семья, чтущая учёность»!

Чем бы тогда не заняться? Можно спокойно сидеть дома и наслаждаться жизнью цзюйжэня!

— Понятно, понятно... — Лю Саньэр больше не осмеливался задавать вопросы. Он тихо доел ужин, и все трое вернулись в гостиницу.

Перед сном Вэнь Жунь всё же отправил Лю Саньэра к дому секретаря Мао с приглашением на завтрашний обед.

— А уездного начальника не приглашать? — спросил Лю Саньэр, увидев, что Вэнь Жунь дал ему три пригласительных.

— Приглашение начальнику — это вежливость, но он, скорее всего, не придёт. К тому же, говорят, он уехал в уездную столицу. А секретарю Мао — это знак уважения. Этот человек по способностям не уступает самому уездному начальнику. Третье приглашение — для сяньчэна Ли. Но он, вероятно, тоже не в канцелярии. Просто передай все три приглашения секретарю Мао — он сам разберётся.

— Значит, придёт только секретарь Мао?

— Скорее всего, да.

Лю Саньэр взял три приглашения и успел доставить их до закрытия канцелярии.

Действительно, принял их только секретарь Мао. Сяньчэн Ли отсутствовал, а уездный начальник, как и говорили, находился в уездной столице.

Кстати, Вэнь Жунь ещё поручил Лю Саньэру, если тот случайно встретит Юань Дао, передать ему отдельное приглашение на ужин в таверну. Ведь завтрашнее собрание — чисто литературное, одни учёные мужи. Юань Дао, будучи воином, там бы чувствовал себя не в своей тарелке. Вэнь Жунь хотел пригласить его отдельно, по-дружески.

Лю Саньэр спросил у дежурного стражника и узнал, что Юань Дао уехал в деревни с отрядом по какому-то делу и вернётся только через три дня.

Как и ожидалось, на следующий день на банкет мог прийти лишь один секретарь Мао.

Тот в душе подумал: «Вэнь Жунь и правда достоин звания цзюйжэня — всё предусмотрел!»

Но вслух лишь вежливо поблагодарил, а вернувшись, передал Вэнь Жуню:

— Завтра в полдень секретарь Мао лично приедет на ваш банкет. Ни уездный начальник, ни сяньчэн Ли не в городе. Господин, вы просто волшебник!

Лю Саньэр был поражён: всё произошло точно так, как предсказал его господин.

— Я и рассчитывал именно на это, — спокойно сказал Вэнь Жунь. — Что начальник и сяньчэн не придут — даже лучше. На самом деле я их и не собирался приглашать всерьёз. Завтра утром сходим на рынок, купим коробки с чаем и сладостями — после банкета подарим гостям на прощание.

— Есть, господин!

В ту ночь они легли спать рано.

На следующее утро пошли завтракать на рынок. Там было множество завтраков: тофу-нао (соевый пудинг), жареные пончики юйтяо, рисовые лепёшки цзыфаньгао, соевое молоко...

Насытившись до отвала, все трое направились в ту самую кондитерскую, где вчера покупали сладости.

Вэнь Жунь заказал тридцать подарочных коробок. В каждую он вложил бамбуковую цилиндрическую упаковку с чаем — внутри — один цзинь (около 500 г) улуна «Те Гуань Инь» с ароматом орхидеи.

Кроме того, в коробку входили «сливовые пирожки» (мэйхуа гао) и «хризантемовые слоёные пирожки» (цзюйхуа су). Такой набор получил название «Коробка благородного мужа».

Ведь в ней были представлены «Четыре благородных растения» — слива, орхидея, бамбук и хризантема, символизирующие добродетель учёного. Поэтому подарочный набор и назывался «Коробка Четырёх Благородных», или просто «Коробка благородного мужа».

Вэнь Жунь заказал сразу тридцать таких коробок — владелец лавки был поражён. Увидев, насколько изящно и со вкусом составлен подарок, он тут же загорелся:

— Уважаемый господин! Можно ли нашей лавке в будущем продавать такие «Коробки благородного мужа»?

Это же идеальный подарок — и значение прекрасное, и выглядит благородно!

— Конечно, можно, — разрешил Вэнь Жунь. — Скажите покупателям, что эту коробку придумал Вэнь Жунь, по литературному имени Жу Юй, в честь своего звания цзюйжэня. Пусть все, кто сдаст экзамены на сюоцзя или цзюйжэня, заказывают такие подарки у вас.

— Благодарю вас, господин Вэнь! — обрадовался хозяин и тут же приказал управляющему: — Эти тридцать коробок — со скидкой для господина Вэня! А ещё приготовьте пять таких же в подарок — от нашей лавки, в знак благодарности за доверие и честь!

Главное — он был благодарен за самую идею, которую Вэнь Жунь подарил его магазину.

С этими коробками Вэнь Жунь отправился в таверну.

Старший брат Чжан подготовил для них самый большой зал в заведении — там помещалось четыре стола. Сейчас он расставил два, один оставил про запас, а четвёртый отвёл специально под подарочные коробки.

Кроме того, у входа в зал он поставил маленький столик и посадил туда грамотного мальчика-слугу:

— Это же банкет в честь получения звания цзюйжэня! Вдруг кто-то принесёт подарки? Я заранее подготовил книгу подарков. И да, поздравляю тебя! — добавил он, вручая Вэнь Жуню два ляна серебром и вяленую ветчину.

Подарок был не роскошный, но в его положении и в этом месте — лучшее, что он мог предложить.

— Благодарю вас, старший брат Чжан! — Вэнь Жунь почтительно поклонился.

И только теперь он узнал, что имя старшего брата Чжана — Чжан Юйцай («Чжан Богатство»). Отличное имя! Неудивительно, что владелец таверны назначил его главным управляющим —

имя-то как раз к делу!

Пока Чжан Юйцай ушёл заниматься делами, в зале уже подали чай и сладости. Первым прибыл секретарь Мао.

Он был в повседневной одежде — великолепный багряный шелковый халат, в руках — складной веер, а под мышкой — подарочная коробка.

— Поздравляю, цзюйжэнь Вэнь! — сказал он с улыбкой.

— Взаимно, господин секретарь! Прошу садиться, — Вэнь Жунь уже стоял у входа, встречая гостей.

Лю Саньэр принял подарок, а мальчик у двери аккуратно записал имя секретаря Мао в книгу подарков — на коробке чётко было написано: «Подарок от Мао».

Подарок оказался скромным, но изящным: банка знаменитого улуна «Да Хун Пао», прекрасный каменный чернильный прибор и два ляна серебром в качестве поздравительных денег.

Это было дороже и разнообразнее подарка Чжан Юйцай.

Однако в книге подарков имя секретаря Мао всё равно шло после имени Чжан Юйцай.

Вэнь Жунь невольно восхитился дальновидностью управляющего.

Если бы тот не предусмотрел заранее, сейчас пришлось бы туго: ни Лю Лаосань, ни Чэн Лаоу не умели писать. Даже свои имена они научились выводить лишь недавно — когда подписывали трудовые договоры в доме Ваней. До этого они ставили только отпечатки пальцев.

Первым пришёл секретарь Мао — и притом очень рано. Вэнь Жунь лично налил ему чай:

— Прошу, угощайтесь.

— Благодарю за гостеприимство! — вежливо ответил секретарь. — Вы отлично выбрали время для банкета!

<http://bllate.org/book/15642/1398060>